

ИСТОРИОГРАФИЯ

В.Н. Чернега*

ЭЛИТЫ ФРАНЦИИ В ПРОШЛОМ И НАСТОЯЩЕМ (ПО МАТЕРИАЛАМ ФРАНЦУЗСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ)

В статье дается краткий обзор эволюции французских элит, главным образом экономических и политических, с конца XVIII в. до наших дней. Особое внимание уделяется вопросам обновления элит на различных исторических этапах, в том числе в зависимости от типа государственного устройства и политического режима. Исследуется механизм воспроизводства современных элит, в связи с чем поднимается проблема их кастовости. Рассматривается воздействие на них процессов европейской интеграции и глобализации. В последнем разделе анализируются перспективы изменений в элитах в связи с итогами президентских выборов 2017 года во Франции.

Ключевые слова: история, Франция, элиты

Проблематика элит была чрезвычайно актуальна в любую эпоху. О важности их качества для судеб общества и государства писали еще античные авторы. Во Франции этой теме стали уделять достаточно большое внимание в эпоху Старого порядка. В «Опытах» М. Монтеня или в «Максимах» Ф. Ларошфуко (XVI и XVII вв.) содержится немало наблюдений и рассуждений о правящих элитах того времени. Дальше них пошел Э. де Ла Боэси (XVI век) со своим блистательным трактатом «Рассуждение о добровольном рабстве», показавший развращающее влияние «деспотической» власти на граждан.

В эпоху Просвещения тему элит в той или иной степени, чаще всего критически, затрагивали Вольтер, Д. Дидро, Ж-Ж. Руссо. Из более поздних авторов следует упомянуть также драматурга и публициста П.-О. Бомарше, особенно его «Мемуары», где он гротескно изобразил судебную систему Франции, а вместе с ней нравы людей, обладающих властью и влиянием. Ему приписывают

---

* Владимир Николаевич Чернега, консультант Совета Европы, ведущий научный сотрудник ИНИОН РАН, доктор юридических наук, Чрезвычайный и Полномочный Посланник.

высказывание: «Если бы только народ знал, какие мелкие люди им управляют».

В XIX в. различным аспектам жизни элит посвятили свои произведения великие французские писатели, особенно А. Стендаль и О. де Бальзак. Им также уделяла внимание нарождающаяся социологическая наука, которая, правда, на этом этапе, по существу, еще не отделилась от философии. К.-А. Сен-Симон, его помощник и последователь О. Конт, а затем и П.-Ж. Прудон в своих трудах так или иначе затрагивали взаимоотношения как между различными социальными слоями и классами, так и внутри их. Нельзя, конечно не упомянуть знаменитую работу К. Маркса «18 брюмера Луи Бонапарта», где автор, помимо прочего, проанализировал структуру правящего класса, влияние на власть различных его фракций, в частности, промышленной буржуазии и «финансовой аристократии». О связи финансового капитала с властью во Франции писал и В.И. Ленин.

«Специализированные» работы, посвященные непосредственно элитам, их формированию, структуре, эволюции «во времени и пространстве», появляются во Франции в XX в., в основном во второй его половине. Особо плодотворно на этой ниве проявил себя социолог П. Бурдьё, считающийся ныне своего рода «патриархом» французского элитоведения. Среди других французских социологов, также исследовавших элиты, следует назвать Б.-М. Беллеша, М. Бернара, П. Бирнбома, Р. Кероль, А. Мари, К. Исмаль, Ж.-Л. Пароди, Ж.-К. Пассерона, Ж. Шарло.

Основываясь на их работах, можно сделать вывод, что на формирование и качество элит влияют, прежде всего, социально-классовая структура общества, государственное устройство и тип политического режима. Все эти факторы сказываются также на способности элит обновляться, являющейся важнейшим условием адаптации к новым вызовам времени.

Касаясь в этой связи исторического пути, пройденного французскими элитами, нужно отметить, что они долгое время характеризовались повышенным социальным консерватизмом и обычно опаздывали со своим обновлением в пользу других, поднимающихся социальных групп. В результате, по сравнению, например, с Германией, Нидерландами или Великобританией обновление элит чаще всего происходило путем не достаточно «плавных» реформ, а внутренних или внешних потрясений. Великая рево-

люция 1789 года, обеспечившая включение в состав элиты представителей «верхов» так называемого третьего сословия, потеснивших дворянство и духовенство, наиболее яркий тому пример. Стоит напомнить, что в числе использованных при этом методов был Террор и физическое истребление части знати. Многие аристократы смогли спастись, лишь вовремя эмигрировав за рубеж, в том числе в Россию. Автору этих строк довелось в свое время дискутировать на эту тему с одним из депутатов-социалистов Национального собрания Франции. В ответ на мои слова о том, что эта страница истории не делает чести его стране, он ответил, что французская аристократия была настолько высокомерной и закрытой по отношению к собственному народу, что никакие другие методы не сработали бы.

Жестоким преследованиям в ходе Французской революции XVIII в. подверглось и духовенство. Революционная власть закрывала храмы, а затем использовала их в других целях, например, в виде армейских конюшен. В 1793 г. было введено революционное, нехристианское, летоисчисление, тогда же были предприняты усилия установить Религию Разума. Многие французские храмы, в том числе Собор Парижской Богоматери, были превращены в святилища новой религии. В 1794 г. на смену кампании дехристианизации пришли попытки ввести государственный Культ Высшего Существа. В дальнейшем духовенству удалось на какое-то время вернуть некоторые из утраченных позиций, однако, это не шло ни в какое сравнение с тем влиянием, которым оно обладало в до-революционную эпоху.

В результате Революции, отмечает французский историк Ж. Дюби, Франция «осовременилась» в экономическом и социальном плане, в короткие сроки освободившись от основных институтов Старого порядка. Произошло существенное перераспределение собственности (земельных владений, недвижимости и движимого имущества) – от дворянства и духовенства к буржуазии и крестьянству, которые и стали «становым хребтом» нового общества¹. Принятие в 1804 г. Гражданского кодекса, регламентировавшего отношения в гражданско-имущественной сфере, еще больше укрепило позиции буржуазии в обществе. Однако в новую политическую элиту, наряду с ней, вошла и старая аристократия, к которой Наполеон Бонапарт добавил новую знать. Напо-

¹ DUBY G. Histoire de la France. P., 1970. P. 350-351.

леон также укрепил и усовершенствовал систему централизованного административно-территориального управления, начало которой положили якобинцы. Это способствовало увеличению роли чиновничества в целом и его верхушечного слоя в частности.

Повышению качества элит, в первую очередь чиновничьих, должны были служить новые высшие школы. Следует отметить, что первые высшие профессиональные учебные заведения в стране появились еще при Старом порядке. В 1747 г. в Париже была основана Школа мостов и дорог, в 1748 г. в г. Мезьер Военно-инженерная школа, в 1783 г. в Париже Горная школа. Однако, революционная власть, ставившая во главу угла общественного развития научно-технический прогресс, сочла их недостаточными. В 1794 г. в Париже была создана Центральная школа общественных работ, позже переименованная в Политехническую школу. Ее задачей являлось «готовить инженеров всех видов, восстановив преподавание точных наук, которое было прервано революционными кризисами, а также обеспечивать высшее научное образование молодым людям, которые могли бы быть использованы правительством для осуществления общественных работ»². Хотя это заведение изначально предназначалось для подготовки как военных, так и гражданских специалистов, Наполеон Бонапарт подчинил его в 1804 г. военному министерству, в ведение которого оно находится и поныне: это объясняет, почему студенты-политехники принимают участие в традиционном военном параде 14 июля в день Национального праздника. Следует подчеркнуть, что речь шла об элитном образовании, открывающем перспективу «большой карьеры» прежде всего на государственной службе, хотя какое-то время в поле зрения школы был весь экономический сектор и сфера естественных и точных наук.

В 1795 г. в Париже была открыта Нормальная школа (ныне Высшая нормальная школа), призванная готовить главным образом учителей старших классов, а впоследствии и преподавателей высших учебных заведений. Но, как замечает М. Бернар, эта школа со временем вышла за рамки первоначальной задачи и превратилась в заведение, «которое «обеспечивало не столько педагогическое образование, сколько высокую общекультурную подготовку»³. Иными словами, Нормальная школа готовила главным образом интеллектуальную элиту.

² Bernard M. La méritocratie française. P., 2010. P. 54.

³ Ibid. P. 84.

Значительно позже, в 1872 г., группой французских интеллектуалов в Париже была образована частная Свободная школа политических исследований, впоследствии получившая название Института политических исследований, сокращенно Сьянс По. Ее предназначением было «воспитание политической элиты Франции из выходцев из хороших семей, желавших выдержать конкурс для поступления в МИД, Финансовую инспекцию, Государственный совет или Счетную палату»⁴.

Забегая вперед, следует отметить, что хотя во Франции потом появились и другие учебные заведения со сходными задачами, именно эти три школы вплоть до 1945 г. монополизировали роль главных «инкубаторов» французских элит. Среди их выпускников было больше всего людей, добившихся высших позиций в политике, экономике, науке или в государственной сфере. Главным образом они, иногда в сотрудничестве с ведущими университетами страны, поставляли кадры для так называемых «больших государственных корпусов», совокупности секторальных ведомств и служб от технического Горного корпуса до административного Государственного совета. Со временем, кстати, это привело к тому, что Политехническая школа настолько переориентировалась на подготовку специалистов для государственной службы и государственных предприятий, что утратила большую часть своего веса в сфере естественных наук и в частном секторе экономики. В последнем случае ее постепенно стала подменять Высшая коммерческая школа, созданная в 1881 г.

Новые учебные заведения обеспечивали французским элитам высокий уровень общего и профессионального образования. Однако это не вело автоматически к преодолению их общего социального консерватизма и к повышению способности вовремя обновляться. Еще в революционный период во Франции для обозначения элит в широком смысле слова был введен термин «нотабли», который с большой долей условности можно сравнить с русским термином «номенклатура». Он охватывал министров, дипломатов, высших чиновников и военных, судей, парламентариев, мэров, но также крупных землевладельцев, банкиров и промышленников. Конституционная хартия 1814 г. официально закрепила этот термин, а вместе с ним привилегированную позицию этих категорий. Разумеется, это не способствовало появлению у них большей от-

⁴ Ibid. P.114

крытости к широким слоям населения. Не благоприятствовал этому и высокий имущественный ценз, необходимый для участия в выборах: в 1818 г., например, при населении в 30 млн человек во Франции насчитывалось всего 240 тыс. избирателей⁵.

Более того, после падения Наполеона I, в период Реставрации, вернувшиеся аристократы-эмигранты смогли вернуть себе какую-то часть утраченного богатства и восстановить часть своих позиций во властных элитах. Только после Июльской революции 1830 г., покончившей с режимом Реставрации, буржуазия окончательно возобладала не только в экономическом, но и в политическом плане. Как пишут французские историки Ж. Карпантье и Ф. Лебрен, «многие аристократы были вынуждены покинуть государственную службу и вернуться в свои имения, что способствовало усилению их влияния на местном уровне»⁶. Но, в конечном счете, обе социальные группы стали сближаться друг с другом: в определенном смысле аристократы, внедряясь в новые экономические отношения, «обуржуазивались», а высшая буржуазия перенимала те или иные черты аристократической культуры.

Сложившаяся таким образом система элит просуществовала достаточно долго. Изменения в ней происходили очень медленно. Первоначально они выражались главным образом в повышении роли банкиров и промышленников по сравнению с крупными землевладельцами в экономической элите, что влекло за собой и повышение их влияния на политическую систему. Но после введения в стране в 1848 г. «всеобщего избирательного права» (на деле, право голоса имели только совершеннолетние мужчины, женщины получили его лишь в 1944 г.) в политической элите, в частности, среди парламентариев и других выборных лиц появилось определенное число представителей средней и даже мелкой буржуазии. Стоит отметить, что упомянутая избирательная реформа произошла в результате очередной революции. Но и после нее традиционная часть элит сохраняла свой крайний консерватизм, что выражалось, в частности, в ее тяготении к монархической форме правления. Понадобились крах Второй империи Наполеона III и непродолжительное существование Парижской коммуны в 1871 г., подавленной самым жестоким образом, чтобы в 1875 г. во Франции де-факто окончательно восторжествовал республиканский

⁵ Carpentier J., Lebrun F. Histoire de France. P., 2000. P. 272.

⁶ Ibid. P. 273.

строй Третья Республика. Но только в 1884 г. эта победа была закреплена конституционно.

Поскольку Третья республика, просуществовавшая до 1940 г., представляла собой классическую парламентскую форму правления, центр власти в ней сместился к парламенту, который и формировал правительства. Это привело к существенной демократизации политических элит в результате вхождения в них значительного большего, чем ранее, числа выходцев средней и мелкой буржуазии, составлявших костяк электората. По данным Ж. Шарло, в 1899-1940 гг. французские правительства, например, имели следующий социальный состав: представители традиционной аристократии 4%, крупной буржуазии 37%, средней буржуазии 33%, мелкой буржуазии 17%⁷.

По сути, Третья республика явилась своего рода компромиссом между традиционными элитами и тогдашним средним классом. Главным каналом, по которому представители среднего класса попадали в политическую элиту, были партии. Практически все они, в частности, правые и центристские партии, по сути состояли из партийных штабов, выполнявших функцию «комитетов по выборам» (так называемые «партии кадров»). Они опирались на «места» на сеть «нотаблей», которые мало зависели в своем переизбрании от партийных аппаратов. Напротив, выходцы из средних классов нуждались в их поддержке, но в итоге должны были проходить через «партийный фильтр», состоявший из «нотаблей»⁸.

В плане практической политики этот компромисс выражался в том, что парламент и правительство проводили в целом консервативный курс в социально-экономической области (что устраивало обе стороны), но при этом продолжали укреплять «республиканские ценности», на которые были ориентированы, прежде всего, новые фракции элит. Один из примеров претворение в жизнь республиканского принципа секуляризма, в частности, принятие в 1905 г. закона о полном разделении государства и религии. Закон был весьма радикален, он предусматривал даже изъятие всего церковного имущества, что, правда, так и не было выполнено из-за сопротивления верующих⁹.

⁷ Charlot J. Les élites politiques en France de la 3-ième à la 5-ième république // Archives européennes de sociologie. 1973. Vol. 14. № 1. P. 78

⁸ Duverger M. Les partis politiques. P., 1976. P. 85.

⁹ Carpentier J., Lebrun F. Op. cit. P. 298.

Новые изменения в политических элитах произошли с появлением и усилением левых партий, в частности, социалистической (1905) и особенно коммунистической (1920). Это были уже массовые партии, имевшие разветвленную организационную структуру, а в случае с компартией и жесткую внутривнутрипартийную дисциплину. Они со временем смогли проводить в выборные органы страны, в том числе парламент, какое-то число своих кандидатов из «нижнего среднего класса» (мелких служащих, учителей и т.п.) и даже рабочих, опираясь на свои аппараты. Хотя эти депутаты не определяли работу парламента, они, по крайней мере, могли использовать его в качестве рупора этих слоев.

После Первой мировой войны среди парламентариев появилось много бывших фронтовиков. Национальное собрание даже называли «голубой палатой» по цвету тогдашних мундиров французской армии. Однако это не внесло особых изменений в общий консервативный курс парламента и правительства. Франция еще оставалась в основном аграрно-индустриальной страной с большим удельным весом консервативных настроенных крестьян и городских мелких буржуа. При формировании правительств тон задавали небольшие «шарнирные» правосторонние и левосторонние партии, обычно тяготеющие в своей политике к «золотой середине». В 1920-е гг. это привело к ситуации так называемого «иммобилизма», выразившегося ироничной формулой: «чем больше изменений, тем больше все остается по-прежнему»¹⁰. Лишь победа в 1936 г. Народного фронта, опиравшегося на социалистическую, коммунистическую и леворадикальную партии, позволила осуществить ряд запоздалых важных экономических и социальных реформ, в частности, национализацию железных дорог, введение обязательных коллективных трудовых договоров, оплачиваемых отпусков и 40-часового рабочего дня для трудящихся, установление налога на крупные состояния. Вновь произошло обновление политических элит, в рядах которых стало больше представителей левых сил. Но в 1938 г. правительство Народного фронта фактически перестало существовать, а в 1940 г., после поражения Франции от нацистской Германии в стране установился правый и авторитарный коллаборационистский режим Виши. Республиканский строй был отменен, работа парламента «приостановлена».

¹⁰ Goguel F. La politique des partis sous la 3-ième république. P., 1946. P. 117-118.

Следует отметить также, что для Третьей республики была характерна политика очень ограниченного вмешательства в экономику (за исключением короткого периода правления Народного фронта), что устанавливало определенную границу между экономическими элитами с одной стороны, политическими и чиновничьими с другой. Вместе с тем этому режиму была присуща постоянная правительственная чехарда. Невозможность обойтись в парламенте без «шарнирных» центристских партий способствовала формированию неустойчивых и часто беспринципных коалиций, распадавшихся при первом же изменении политической конъюнктуры, что влекло за собой падение правительств.

Эта нестабильность компенсировалась важной ролью министерств и ведомств и практически несменяемых чиновничьих элит, состоявших главным образом из представителей социальных верхов. «Большие государственные корпуса», секретариаты министров и премьер-министра были главным местом притяжения для отпрысков высшей и средней буржуазии и аристократии, если, конечно, они по семейным причинам не выбирали сразу для своей карьеры финансово-банковский или промышленный сектор экономики. Впрочем, как будет показано ниже, со временем была налажена система перехода туда чиновников.

Четвертая республика, установленная Конституцией 1946 г., в основных чертах воспроизводила прежнюю партийно-парламентскую систему, несмотря на сопротивление генерала Ш. де Голля, возглавлявшего правительство в 1944-1946 гг. При этом политические элиты снова в значительной степени обновились благодаря приходу участников внутреннего и внешнего Сопротивления, в том числе из рядов левых сил. В правительстве до 1947 г. были представлены даже коммунисты. Главное изменение, однако, было в другом. Послевоенные национализации, затронувшие энергетический сектор, в том числе угольные шахты, автомобильные заводы «Рено», часть авиационной промышленности, Французский банк, ряд депозитных банков и страховых обществ, а также появление в 1946 г. Государственного Комиссариата по планированию резко усилили роль государства в экономике. Политика прямого государственного вмешательства в экономические процессы, получившая название «дирижизма» (от слова «diriger» — управлять), вела к дальнейшему повышению значимости соответствующих министерств и ведомств и в целом слоя чиновни-

ков, в котором по-прежнему преобладали выходцы их «привилегированных классов»¹¹.

Повышению качества и определенной демократизации этого слоя должна была способствовать учрежденная в 1945 г. Национальная школа администрации (ЭНА), призванная «готовить административную элиту нации и отбирать высшие не-технические кадры для государственной службы»¹². Это учебное заведение быстро заняло первую позицию среди «инкубаторов» французских элит. По сути, оно стало своего рода «верхушкой» системы элитного образования во Франции. Наиболее распространенный путь поступления в него пролегал через первоначальную учебу в Сьянс По, Политехническую школу и (в меньшей степени) Высшую нормальную школу или Высшую коммерческую школу. Претендовать на поступление могли также молодые чиновники с опытом работы не менее пяти лет. Следует отметить, что если качество образования в ЭНА не вызывало вопросов, ее «демократизаторская» функция не переставала вызывать критику.

Пятая республика, сменившая Четвертую республику в 1958 г. в результате острого кризиса власти (главным образом, из-за тупиковой ситуации в войне в Алжире и связанной с ней угрозы государственного переворота), радикально изменила систему государственно-политических координат в стране. Создавший новый режим Ш. де Голль вдохновлялся идеей «сильного государства» и хотел прежде всего покончить с нестабильным «режимом партий», что предполагало ослабление роли парламента и, напротив, усиление исполнительной ветви власти, особенно института президента. В голлистской конституционной доктрине «разделение властей» было заменено «равновесием властей», в рамках которого понятие «исполнительная власть» было даже заменено другим «правительственная власть», предполагавшим, что именно правительство, а не как прежде парламент должно руководить законодательным процессом¹³.

Превращение института президента в безусловный центр управления страной, общее усиление исполнительной ветви власти внесло большие перемены в процесс создания политических элит. Поскольку парламент больше не формировал правительство, что стало пре-

¹¹ Labrousse E., Braudel F. Histoire économique et sociale de la France. T. 4. P., 1980. P. 799.

¹² Bernard M. La méritocratie française. P. 102.

¹³ Debré M., Debré J-L. Le pouvoir politique. P., 1977. P. 51.

рогативой президента, привлекательность парламентской карьеры уменьшилась. Напротив, поскольку в правительстве становилось все больше чиновников-технократов, притягательность государственной службы, особенно в президентской администрации, секретариатах премьер-министра и министров, увеличилась. Как писал сподвижник де Голля М. Дебре, составивший под его руководством конституцию Пятой республики, «ныне лица, избранные в представительные органы, не могут быть монополистами на пути к министерской карьере. Последняя все чаще делается в административных секретариатах, которые формируются из высших чиновников»¹⁴. Он же отмечал, что из 125 министров и государственных секретарей, сменивших друг друга в 1959-1974 гг., 36% начинали свою карьеру в министерских секретариатах и только 12% избирались в представительные органы. Чиновничья карьера, таким образом, обеспечивала теперь наилучшие шансы для вхождения в политическую элиту.

Парламент в этом плане был отодвинут на вторую позицию. Его роль, по существу, сводилась к обеспечению правительственного большинства в качестве опоры президентской власти. В связи с этим и на правом фланге появилась необходимость в более организованных партиях (ЮНР – ЮДР – ЮМП Республиканцы). В результате, прохождение в парламент стало больше зависеть от партийных аппаратов и меньше от местных «нотаблей»¹⁵. Мелкие центристские партии утратили прежнюю роль, более резко обозначилась граница между правым и левыми лагерями. С 1958 по 1981 гг., когда к власти пришел лидер социалистической партии Ф. Миттеран, не только коммунисты, но и социалисты непрерывно находились в оппозиции.

Главным бенефициарием установления нового режима явилось высшее чиновничество. Оно превратилось в доминирующую силу, потеснившую в элитах традиционных политиков. В то же время присущая чиновникам «технократическая идеология» (то есть формально отсутствие какой-либо партийно-политической идеологии) способствовала их сближению с экономической элитой как государственного, так и частного сектора. В свою очередь это создавало благоприятные условия для так называемого «пантуфляжа» (дословно «надевание тапочек»), то есть перехода

¹⁴ Ibid. P. 140.

¹⁵ Cayrol R., Parodi J.L., Ismal C. Le député français. P., 1973. P. 107.

чиновников на «теплые места» в экономический сектор, что вело к смешиванию этих элитных прослоек. В результате, чиновники, которые ранее легитимизировали свою социальную позицию спецификой службы государству, становились всего теперь лишь частью, пусть и важнейшей, формирующегося гомогенного правящего класса. «Ранее отделенные друг от друга категории смешиваются и являют внешнему миру единство, которое отныне они считают легитимным»¹⁶.

Некоторое усиление прерогатив парламента, в частности во время президентства В. Жискара д'Эстена (1974-1981), а также после уменьшения с семи до пяти лет срока президентских полномочий при президенте Ж. Шираке (2000), вновь привело к определенному повышению веса парламентариев, партийных аппаратов и партийных функционеров. Но в условиях Пятой республики партийная карьера все же больше рассматривается как «трамплин» для прохождения, в случае победы партии на выборах, в министерские секретариаты или на весомые посты в «больших государственных корпусах» и на государственных предприятиях. Опыт работы в них вкупе с депутатским мандатом усиливает шансы попасть в правительство.

По мере растущей медиатизации политической и общественной жизни в высшую элитную прослойку, в которую уже входили собственники и руководители крупнейших СМИ, начали вливаться и видные журналисты и публицисты, многие из которых учились в Высшей нормальной школе. Повлияла медиатизация и на отбор политических лидеров. В ситуации, когда событие становится событием только после того, как о нем рассказали СМИ, больше шансов победить на выборах стали получать не самые талантливые и компетентные политики, а самые «медийные», умеющие работать со СМИ или на СМИ. Как замечает М. Бернар, «медийная вселенная толкает политических деятелей заботиться главным образом о своем образе, о том, чтобы казаться, а не быть, скользить по поверхности вещей, не проникая в их суть. Политическое искусство состоит в том, чтобы уметь плавать в мире ложных представлений, ложных сигналов и ложных решений»¹⁷. Примером такого лидера он называет Ф. Олланда, который, по его словам, блестяще провел предвыборную кампанию 2012 г., но затем проявил

¹⁶ Birnbaum P., Barucq Ch., Bellaiche M., Marie A. La classe dirigeante française. P., 1978. P. 87.

¹⁷ Bernard M. L'entre-soi des élites. P., 2016. P. 40

себя весьма некомпетентным президентом. Поддержка основных СМИ страны сыграла ключевую роль в избрании президентом в мае 2017 г. Э. Макрона до такой степени, что противники и некоторые эксперты называли его в ходе президентской кампании «медийным продуктом».

Гомогенизация элитного слоя происходила, таким образом, в результате сближения экономической, чиновничьей, политической, медийной и других фракций. В политическом плане этому способствовало начавшееся при президенте Ф. Миттеране усиление центристского начала в социалистической партии, маргинализация коммунистической партии (особенно после исчезновения СССР), а в противоположном лагере движение к правому центру партии ЮМП и некоторое смягчение установок крайне правого Национального фронта. В социальной области этой эволюции содействовало «обуржуазивание» населения страны, увеличение в нем доли среднего класса в ущерб традиционному рабочему классу¹⁸; в идеологической доминирование, после крушения коммунистической системы, неолиберальных идей, направленных на стирание национально-этнических, культурных, религиозных различий и создание «универсального человека». Именно в этом направлении движется европейская интеграция и глобализация, поддерживаемые большинством элит.

В данном контексте закономерно, что Ж. Ширак и Н. Саркози, считавшиеся правыми лидерами, проводили на деле все более центристскую политику, от которой по сути почти не отличался и курс руководителя социалистической партии (СП) Ф. Олланда, пришедшего к власти в 2012 г. под классическими левыми лозунгами.

С течением времени все более гомогенный элитный слой стал превращаться в достаточно закрытую касту, которая воспроизводила сама себя. Главными механизмами этого воспроизводства были прежде привилегированные лица, затем отмеченные выше «большие школы», особенно ЭНА. Внешне это воспроизводство легитимировалось через систему выпускных экзаменов в лицеях и получение диплома бакалавра и занятое в результате место в общенациональной классификации. Затем следовало поступление в одну из «больших школ» (в ЭНА через конкурсные экзамены), получение перспективной работы через конкурс или, как, например, в случае с ЭНА путем попадания в список наиболее успешных выпускни-

¹⁸ Clerval A. Paris sans le peuple. P., 2016. P. 48-50.

ков, дающий право выбора места службы, наиболее многообещающим из которых считалась Финансовая инспекция. Иными словами, формально главным условием социально-элитного продвижения были знания и профессиональная компетентность, что должно было соответствовать принципу социальной справедливости.

Проблема, однако, была в том, что в действительности, как показали в своих работах П. Бурдьё и Ж-К Пассерон, эта система отбирала выходцев из среды, для которой было характерно обладание экономическим или культурным капиталом, а чаще всего и тем, и другим. Это особенно было характерно для растущего числа управленцев-менеджеров, которые, закончив одну из «больших школ», могли ранее работать на государственных предприятиях или на государственной службе и которые после перехода в экономику получали огромные доходы (сверхвысокие заработные платы, бонусы и выходные пособия) и часто становились собственниками активов. В этом ряду, до прихода в политику, находился, кстати, Э. Макрон. Как известно, он начал свою карьеру в Финансовой инспекции, а затем успешно работал в Банке Ротшильда, что позволило ему стать весьма состоятельным человеком.

Такая «революция менеджеров» привела к некоторому уменьшению значения семейного экономического капитала и одновременно к увеличению веса культурного капитала, также передаваемого по наследству, пусть и не в осязаемой форме. В действительности, именно он стал важнейшим фактором объединения элитных прослоек. Термин «культурный капитал», как подчеркивают П. Бурдьё и другие французские исследователи, включает в себя не только и не столько знания, сколько социально-культурные навыки, умение видеть действительность, мыслить и излагать свои мысли определенным образом. По сути, речь идет об определенном культурном коде, который, в отличие от знаний, нельзя приобрести в библиотеках, а только в семье и среде. Именно этот код нужно продемонстрировать, помимо конкретных знаний, на различных конкурсах по приему в вуз или на работу. Иначе говоря, при некотором снижении роли богатства, преимущество при отборе в элиты все же получают выходцы из тех прослоек общества, что являются производителями и носителями этого кода. Рассматривая в данном контексте роль ЭНА, П. Бурдьё иронично замечает: «Следует задаться вопросом, не занимается ли это заведение тем, что учит плавать рыб?»¹⁹.

¹⁹ Bourdieu P. La noblesse d'Etat. Grandes écoles et esprit de corps. P., 1989. P. 101.

Долгое время роль главного «фильтра» на пути к социальному продвижению и, соответственно, к обновлению элит играла школа, в частности, экзамены на получение диплома бакалавра, дающего право поступления в вузы. По данным П. Бурдьё и Ж-К Пассерона, в Четвертой республике и в начальный период Пятой республики в обычных школах на сдачу такого экзамена шло не более 20% учащихся, тогда как в престижных лицеях почти все. Соответственно дети из семей буржуазии, высших управленцев, политической или интеллектуальной элиты, учившиеся в таких лицеях, имели в 42 раза больше шансов попасть в систему высшего образования, чем дети из «социальных низов», прежде всего рабочих и фермеров²⁰.

В дальнейшем ситуация вроде бы изменилась к лучшему. В 2006 г., например, диплом бакалавра получили уже 80% школьников, а приведенный показатель неравенства составил лишь 3,9 раза. Однако при этом до 60% увеличилась доля студентов, которых из-за плохой успеваемости отчисляли уже на первом курсе вуза. Практически все они принадлежали к «социальным низам»²¹. Свою роль в этом сыграло снижение уровня школьного образования, которое не могло быть восполнено в соответствующих семьях. Оно было все меньше направлено на получение знаний, необходимых в современном обществе, а больше на развитие абстрактного мышления, а также на привитие политкорректности, неприятия «сексизма» и «гомофобии»²².

Понизилось также качество университетского образования. Помимо прочего, оно отстало от жизни и готовило, главным образом, гуманитариев, хотя стране требовалось все больше специалистов в области естественных наук, управленцев, инженеров. Результатом, как указывает известный российский франковед Ю.И. Рубинский, стал рост безработицы среди выпускников университетов 53%, из них искали работу более года, но не находили ее по специальности²³.

В целом, выходцы из этих категорий имели в 24 раза меньше шансов получить законченное высшее образование и в 42 раза поступить в одну из «больших школ»²⁴. Справедливости ради, прав-

²⁰ Bourdieu P., Passeron J.-C. Les héritiers. Les étudiants et leurs études. P., 1985. P. 138.

²¹ Fugier P. Compte rendu : Pierre Bourdieu et Jean-Claude Passeron. Les héritiers. Les étudiants et leurs études // Interrogations. 2008. Juin. P. 25.

²² Bellamy F.-X. Les déshérités. Ou l'urgence de transmettre. P., 2014. P. 109 et suiv.

²³ Рубинский Ю.И. Франция — время Саркози. М., 2011. С. 205.

²⁴ Fugier P. Op. cit. P. 25.

да, следует заметить, что попытки несколько «демократизовать» доступ к этим заведениям все же предпринимались. В 1981 г. президент-социалист Ф. Миттеран попытался сделать это в ЭНА, введя отдельный конкурс для лиц, имеющих опыт практической работы в любой области, выборном органе или профсоюзе. Однако такая попытка была раскритикована многими политиками и СМИ, которые усмотрели в ней путь к политизации государственного аппарата, и успеха не имела. По оценке М. Бернара, через этот конкурс «даже в лучшие времена» поступало менее 10% учащихся²⁵. Не улучшил ситуацию и перевод ЭНА в 2005 г. из Парижа в Страсбург с целью приблизить ее к «глубинной Франции». В феврале 2017 г. специальная комиссия Сената Франции была вынуждена вновь обратить внимание на «отсутствие социального разнообразия» при наборе в нее учащихся²⁶.

В 2001 г. Сьянс По решила открыть свои двери, помимо выпускников престижных лицеев, некоторому числу учащихся из школ «депрессивных» пригородов Парижа на основе успеваемости и бесед-интервью. Ощутимых результатов это также не принесло.

По мнению большинства французских специалистов, среди развитых стран именно французская высшая элитная прослойка представляет собой наиболее закрытую касту, меньше других пополняясь талантливыми выходцами из «социальных низов». Это лишает ее «свежей крови», новых идей и подходов, необходимых для ответа на вызовы времени и препятствует модернизации и повышению конкурентоспособности страны.

Следует, однако, отметить, что тенденция к превращению высших элит в касту или, иначе говоря, в достаточно закрытый истеблишмент не является специфическим французским явлением. В той или иной мере она наблюдается практически везде. Более того, по мере глобализации и продвижения неолиберальной идеологии в международном масштабе на планете начала складываться мировая элита, которая также довольно быстро приобретает кастовый характер. Американский автор Д. Роткопф в своем труде «Каста. Новые элиты и мир, который они нам готовят» оценивает ее численность всего в шесть тысяч человек, половина из которых приходится на США, половина на Европейский союз (правда, он включил в нее не только экономические и политические элиты,

²⁵ Bernard M. La méritocratie française. P. 108.

²⁶ Stromboni C. L'avenir de l'ENA, objet de nombreux débats // Le Monde. 2017. 2 février. P. 5.

но также видных интеллектуалов, писателей, голливудских звезд и даже лидеров мафиозных и террористических группировок)²⁷.

Однако в условиях демократии кастовость, чрезмерный отрыв элит от своих народов рано или поздно выливаются в «протестные» результаты на выборах. «Брексит» в Великобритании, усиление позиций евроскептиков в ряде государств ЕС и победа Д. Трампа на президентских выборах в США показали, что если не большинство, то значительная часть населения Запада не приемлет ни обычную для истеблишмента практику формирования политики внутри себя и для себя, ни глобалистский неолиберальный проект. Глобализация оказалась выгодна далеко не всем. Миграционный кризис в ЕС засвидетельствовал, что многие европейцы не готовы поступиться своей национально-культурной идентичностью в пользу людей, представляющих слишком отличающиеся культуры. На электоральном уровне это привело к росту поддержки «несистемных» партий, выступающих под лозунгами «суверенизации» и сохранения традиционных ценностей. Многие из них, кстати, рассматривают Россию по этим аспектам в качестве объективного союзника. Во Франции роль такой партии взял на себя Национальный фронт, лидер которого Марин Ле Пен прошла во второй тур президентских выборов в мае 2017 г., где набрала более трети голосов избирателей. Стоит напомнить также, что впервые в истории Пятой республики во втором туре не оказалось официальных кандидатов от хотя бы одной из двух до сих пор доминировавших партий СП и Республиканцев.

Эти тенденции оказывают давление на западные элиты, в том числе во Франции. Конечно, французский элитный слой вряд ли готов отказаться от своих привилегированных позиций, а доминирующие фракции, по-прежнему, разделяют транснациональную неолиберальную идеологию. Но, как показали прошедшие президентские выборы, эти фракции в изменившихся условиях все же вынуждены маневрировать, демонстрируя свою готовность к определенному обновлению.

Такую тенденцию олицетворяет прежде всего новоизбранный президент Пятой республики Э. Макрон. Бывший министр экономики, промышленности и цифровых технологий в 2014-2016 гг. и «протезе» Ф. Олланда в бытность того президентом, Макрон, однако, позиционировал себя в ходе президентской кампании как «не-

²⁷ Rothkopf D. La caste. Les nouvelles élites et le monde qu'elles nous préparent. P., 2009. P. 57.

зависимого» кандидата и «прогрессиста», противостоящего «консерватизму» традиционных элит. В этом духе были выдержаны его обещания глубоких реформ в экономике и социальной сфере, направленных на «укрощение» бюрократии, высвобождение предпринимательской инициативы и уменьшение социального неравенства. Заявляя, что деление политических сил на правых и левых изжило себя, Макрон пытается выглядеть стоящим «над партиями», чтобы объединить вокруг себя левоцентристов, правоцентристов, либеральную часть правых сил, а также «активистов гражданского общества». В созданное им после выборов правительство, действительно, вошли представители разных сил, в том числе от партии Республиканцы и известные «беспартийные» личности.

Однако даже беглый анализ его программных установок показывает, что в целом речь идет о все том же неолиберальном «проекте», который не очень удачно пытался осуществлять Ф. Олланд и в какой-то мере Н. Саркози. Либерализм в экономике Макрон сочетает с приверженностью европейской интеграции и глобализации, утверждая, что они являются объективными процессами и отход от них чреват экономической и технологической отсталостью. Миграция для него естественная составляющая этих процессов, поэтому, по его мнению, следует продолжать линию на стирание национально-этнических и культурно-религиозных различий. Вместе с тем Макрон признает наличие связанных с интеграцией и глобализацией «издержек» для многих людей и считает необходимым преодолевать их, продвигая «социальный прогресс». Во внешнеполитической области он подчеркивает важность отношений с США и НАТО. А ЕС, по мнению Э. Макрона, нужно укреплять на федералистских началах²⁸.

Будущее покажет, сможет ли Макрон на этой основе «объединить Францию», как обещает. Стоит напомнить, что итоги первого тура президентских выборов зафиксировали раскол электората на четыре примерно равных части²⁹, причем около половины избирателей поддержали кандидатов, выступавших под лозунгами «суверенизации» страны как условия решения ее нынешних проблем. Первым тестом в этом отношении для нового президента станут выборы в Национальное собрание 11 и 18 июня 2017 г., на которых

²⁸ *Macron E. Révolution. P., 2016. P. 62-65, 201-203; Bourmaud F-X. Emmanuel Macron tente de se palcer au dessus des partis // Le Figaro. 2017. 4 février. P. 3.*

²⁹ Э. Макрон получил 24,01% голосов, М. Ле Пен 21,30%, официальный кандидат партии Республиканцев Ф. Фийон 20,01%, лидер крайне левого крыла Ж-Л Меланшон 19,58%.

ему нужно будет обеспечить себе парламентское большинство. Без такого большинства проводить более или менее эффективную политику ему будет весьма затруднительно.

С точки зрения темы настоящей статьи главное, однако, что при любом исходе этих выборов вряд ли стоит ожидать «анти-элитной революции» в стране. По мнению многих французских экспертов, Э. Макрон, несмотря на свою молодость (39 лет) и несколько нестандартную для французского политику биографию (никогда не избирался в парламент!), является «продуктом истеблишмента». Даже если он получит необходимое большинство в Национальном собрании, изменения в правящей элите, по всей видимости, ограничатся некоторым вливанием «свежей крови», например, за счет все тех же «активистов гражданского общества». Однако общий кастовый характер «верхов» вряд ли будет поставлен под вопрос. Изменения в политической элите могут произойти, только если на упомянутых парламентских выборах проведут своих кандидатов «несистемные» силы, как Национальный фронт или крайне левое движение «Непокоренная Франция» Ж.-Л. Меланшона. Однако, их шансы на значительный успех невелики.

Список литературы

- Рубинский Ю.И.* Франция — время Саркози. М.: Международные отношения, 2011 [Rubinskij YU.I. Franciya — vremya Sarkozy. M.: Mezhdunarodnye otnosheniya, 2011].
- Bellamy F.-M.* Les déshérités. Ou l'urgence de transmettre. Paris: Plon, 2014.
- Bernard M.* La méritocratie française. Les élites françaises. Paris: L'Harmattan, 2010.
- Bernard M.* L'entre-soi des élites. Une oligarchie suicidaire. Paris: Riveneuve, 2016.
- Birnbaum P., Barucq Ch., Belleiche M., Marie A.* La classe dirigeante française. Paris: PUF, 1978.
- Bourdieu P.* La noblesse d'Etat. Grandes écoles et esprit de corps/ Ed. de Minuit –Paris, 1989.
- Bourdieu P., Passeron J.-C.* Les héritiers. Les étudiants et leurs études. Paris : Minuit, 1985.
- Bourmaud F.-X.* Emmanuel Macron tente de se palcer au dessus des partis // Le Figaro. 2017. 4 février. P. 3.
- Carpentier J., Lebrun F.* Histoire de France. Paris : Seuil, 2000.

-
- Cayrol R., Parodi J.L., Ismal C.* Le député français. Paris : Presses de la FNSP, Armand Colin , 1973.
- Charlot J.* Les élites politiques en France de la 3-ième à la 5-ième République // Archives européennes de sociologie. 1973. Vol. 14. N°1. P. 78-92.
- Clerval A.* Paris sans le peuple. La gentrification de la capitale. Paris : La Découverte, 2016.
- Debré M., Debré J.L.* Le pouvoir politique. Paris : Seghers, 1977.
- Duby G.* Histoire de la France. Paris : Librairie Larousse, 1970.
- Duverger M.* Les partis politiques. Paris : Armand Colin, 1976.
- Fillon F.* Faire. Paris : Albin Michel, 2015.
- Fugier P.* Pierre Bourdieu et Jean-Claude Passeron. Les héritiers. Les étudiants et leurs études // Interrogations. 2008. Juin. P. 15-55
- Goguel F.* La politique des partis sous la 3-ième République. Vol. 2. Paris : Seuil, 1946.
- Labrousse E., Braudel F.* Histoire économique et sociale de la France. T. 4. Paris : Presses univ. de France, 1980.
- Macron E.* Révolution. Paris : Ed. XO, 2016.
- Rothkopf D.* La caste. Les nouvelles élites et le monde qu'elles nous préparent. Paris : Robert Laffont, 2009.
- Stromboni C.* L'avenir de l'ENA, objet de nombreux débats // Le Monde. 2017. 2 février. P. 5.
-

Vladimir N. Chernega

**ELITES OF FRANCE IN THE PAST AND PRESENT
(ACCORDING THE FRENCH RESEARCHES)**

The article gives a short review of a evolution of French elites (essentially, economic and political ones) from the end of the 18th century till present day. A particular attention is paid to questions of their renovation on different historical stages, including, in accordance with the type of government and political regime. The mechanisms of reproduction of modern elites are investigated and therefore the problem of caste is raised. The impact of European integration and globalization on them is considered. In the last section, the prospects of changes in the elites in connection with the presidential elections and coming parliamentary elections are analyzed.

Keywords: history, France, elites